

Душевность монументального

Портрет в интерьере метро

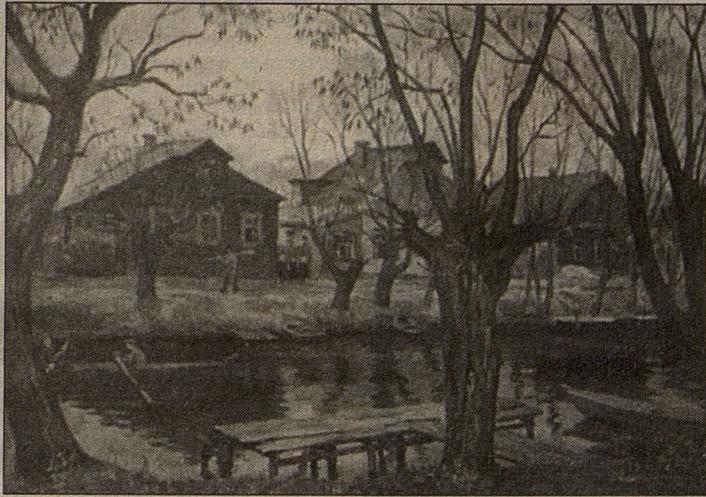

Я люблю живопись Андрея Кузнецова. От его московских дворишков, окраинных улочек, пейзажей Сергиева Посада и других небольших городков веет какой-то настоящей, нетленной традицией русской живописной школы и столь редкой сегодня человеческой добротой. Я знаю эти города и окраины с их ухабистыми тротуарами, ветшающими домами, осыпавшейся штукатуркой и контрастом с наступающими и уже близкими многоэтажками. Но у Кузнецова нет этого уходящего, разрушающегося. Наоборот — все такое светлое, умытое, расцвеченное весенним солнцем и веселым мартовским небом. И всегда думаешь: Андрей Николаевич — настоящий реалист, приверженец добротной правдивой живописи. Он отнюдь не приглаживает, не «охорашивает» эти домики, да и было бы глупо «лакировать» наши покосившиеся заборы и лужи на щербатых мостовых. Но он действительно видит красоту небольших городков не как красоту уходящую, о которой можно лишь печалиться, а как красоту нынешнюю, добрую, душевную, необходимую нам здесь и сейчас. Так же, как нам необходимы Поленов и Кустодиев, представляющиеся мне прямыми предшественниками живописи Кузнецова.

Но в своей художественной среде мы хорошо знаем совсем другого Андрея Кузнецова — авторитетного и плодотворного монументалиста, удостоенного Государственной премии России за свои росписи во Владивостокском театре.

Знаем его как художника больших и ответственных объектов в Казани, гидротехнических сооружений в Балакове, многочисленных станций метрополитена. Он работал над этими объектами с большой творческой отдачей, придумывал новые символы, новые технические приемы, умел в политическую тематику внести нотки человечности, подкупающей неофициальности. Но вместе с тем не чурался и суровых, даже трагических решений: например, при оформлении станции «Октябрьская» в Минске. И как-то обидно, что все эти мозаики, росписи, металлические рельефы, хотя они и находятся вроде бы перед глазами тысяч и тысяч людей, но остаются безмянными, почти никто не знает их автора — заслуженного деятеля искусств России Андрея Николаевича Кузнецова, которому недавно исполнилось 70 лет. А он украсил станции не только в Минске, но и в Новосибирске, Москве, Самаре.

Некоторые его произведения буквально преображают скучные перронные тоннели. В первую очередь это относится к витражам.

Вверху: Мозаика на фасаде Могилевского комбината «Лавсан». Внизу: «Рыбачья слободка»

Обычно в метро применяли мозаики, в том числе особенно охотно флорентийские, мраморные. Настоящий же витраж требует света, и желательнее — естественного, дневного, способного менять свою насыщенность и оттенок от утра к вечеру, что раскрывает его дополнительные художественные качества. Поэтому считалось, что постоянный искусственный свет мертвит витраж, лишает его трепетной изменчивости. А Андрей Николаевич попробовал. Вначале на станции «Шаболовская» в 1982 году, а потом, учитывая возможности и ошибки, — в 1989-м на станции «Черкизовская», избрав здесь не привычные для метро актуально-политические сюжеты, а тему спорта.

И это придало довольно стандартному решению станции особый, запоминающийся характер. Перронный зал стал веселым, радостным, одухотворенным. Игра цветных огней противостоит глухоте замкнутого пространства. Спорт, да еще в соединении на одном торце зала с Олимпийскими играми, а на другом — с картинками повседневной жизни, внес в пустоту зала дух истории и современности, сообщил ему настроение легкости, игры, преодоления препятствий и пространства. И все это благодаря яркому свето-цвету, передаче смелых раскованных движений, что свойственно искусству Кузнецова.

Монументальное искусство последней трети XX века нередко решало те задачи, которые оказались тогда не под силу станковой живописи, скованной принципами соцреализма. Монументалисты многое взяли от плаката, от графики, от кино, применяя кадрировку отдельных изображений, сопоставление в одном произведении событий, про-

исходивших в разное время и в разных пространствах, игру масштабов. Все это требует особой культуры видения, творческого напряжения, поисков не только в специфических областях цвета и рисунка, но и в сфере психологии восприятия, а нередко и расчета на повышенную культуру и информированность зрителя. От художника требуется не только профессиональная выучка, но и выдумка сродни дизайнерской. И эти новые художественные приемы мастерства были освоены, а нередко и впервые опробованы Кузнецовым-монументалистом.

Но ныне монументальное искусство попало в жестокий кризис — восторжествовал рынок. Заказов нет. Дома культуры никто не строит. Каким будет монументальное искусство XXI века? Неясно. Монументалисты учатся выживать. Многие, чтобы не потерять форму, вынуждены заниматься живописью.

В такие моменты безвременья (или безденежья?) и раздумий Андрей Кузнецов обращался раньше, да и сегодня, к испытанному и традиционному искусству портрета и пейзажа. Его привлекают и радуют тихая улочка в Гурзуфе, церковные купола Загорска, мартовское небо над просыпающимися старыми деревьями на Пятницкой улице в Москве. Здесь одно время и одно пространство. Но в нем словно живет душа тех, кто строил эти человеческие немногэтажные дома и церкви, сажал эти деревья и мостил дороги. В них живет и душа художника, умеющего радоваться простому, незатейливому и светлому, как радовались ему его выдающиеся предшественники Венецианов, Кустодиев, Юон.

Никита ВОРОНОВ